

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ВОЕЙКОВЪ.

1779—1839.

I.

Отрывки изъ записокъ его пріятеля.

Но если вѣдуешь надъ кѣмъ я косячаться,
Я тутъ прямой поэтъ, и мысли въ мигъ родятся.
Изъ сатиры Буало, И. М. Дмитриевъ.

..... Воейковъ разсылалъ сотни записочекъ, къ друзьямъ и знакомымъ, въ которыхъ всегда обнаруживалъ остроту свою. Онъ, кажется, щеголялъ ими. Эти записочки всегда были съ нумерами и онъ велъ имъ разносную книгу. По этимъ книжкамъ видно, что отъ него въ годъ выходило писемъ и записокъ больше тысячи!

Вотъ нѣкоторые:

Бор. М. Ѳедоровъ какъ-то съ годъ не являлся на вечера его; потомъ обнадежилъ, что непременно будетъ. Воейковъ, свывая литераторовъ къ себѣ на вечеръ, между прочимъ, писалъ П. А. Плетневу: „у меня будетъ Б. М. Ѳедоровъ, въ первый разъ по возобновленіи“.

Другую записку, къ Плетневу же, онъ окончилъ такимъ образомъ: „Воейковъ, ст. сов. и кавалеръ ордена св. Владиміра 3-й ст., членъ российской академіи, переводчикъ Деліля и Виргілія, издатель Русскаго Инвалида, Образцовыхъ сочиненій, Новостей Литературы, Славянина, Литературныхъ прибавленій, изобрѣтатель хамелеонистики, а что всего важнѣе, сочинитель Дома сумасшедшихъ“.

Самые злые куплеты въ Домѣ сумасшедшихъ — это куплеты на Булгарина:

Тутъ кто? Гречева собака
Забѣжала вмѣстѣ съ нимъ!

То—Булгаринъ, забіяка
 Съ рыломъ мосичымъ своимъ,
 Съ саблей, въ петлѣ... «А французской
 «Крестъ ужель надѣтъ забыть?
 «Вѣдь его ты кровью русской
 «И предательствомъ купишь!»

— Что-жь онъ дѣлаеть здѣсь?—«Лаеть,
 «Брызжетъ пѣною съ брылей,
 «Мечется, рычитъ, кусаетъ
 «И домашнихъ и друзей».

— Но на чемъ онъ сталъ помѣшанъ?
 «Совѣсть — умъ свихнула въ немъ:
 «Все боится быть повѣшенъ,
 «Или высѣченъ кнutomъ.»¹⁾

Воейковъ сказывалъ мнѣ, что онъ года два думалъ посадить въ желтый домъ Ѳ. В. Булгарина, да все не удавались о немъ стихи. Наконецъ, во всюнощную на первой день пасхи, занятый своею мыслію, онъ ихъ выдумалъ. Послѣ того онъ уже не могъ молиться, складывая стихи въ головѣ своей, а по окончаніи всюнощной и обѣдни, прискакалъ домой и сразу написалъ приведенныя выше строфы. „Послѣ этого, прибавилъ Воейковъ, я ужъ разговѣлся!“

Вообще, ни что такъ легко и кругло у него не выливалось, какъ остроты противъ того, что возбуждало его негодованіе или ненависть. Разъ, на дачѣ у А. А. Краевского, сочинитель поэмы „Мірозданіе“, Соколовскій, рассказывалъ, что нѣкто купилъ у него второе изданіе этой поэмы и едва-едва согласился заплатить сто рублей, да и тѣ насилу отдалъ. Это возмутило Воейкова.

— А что,—спросилъ онъ,—N. N. точно отдалъ вамъ деньги?

— Точно,—отвѣчалъ Соколовскій.

— И вы положили въ карманъ эти деньги,—продолжалъ Воейковъ. Соколовскій подтвердилъ.

— И вы,—продолжалъ Воейковъ,—чувствовали, что деньги у васъ въ карманѣ?

— Да,—отвѣчалъ Соколовскій.

— Ну, а когда вы вышли отъ покупщика, спохватились-ли вы, какъ полезли въ карманъ, нашли-ли вы деньги?—говорилъ Воейковъ, показывая на карманъ свой.

Однажды у Владиславлева—Воейковъ увидавъ на столѣ портретъ Н. И. Греча подошелъ къ нему и долго, по своей привычкѣ прищуриваясь и гримасничая, разглядывалъ его, наконецъ сказалъ:

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 579—620.

— Ну—чтожь, ничего, пусть, пусть до висѣлицы повиситъ хотя на стѣнкѣ ¹⁾

Однажды Воейковъ спросилъ меня, что я чувствую, встрѣчаясь съ богачомъ, который ѣдетъ въ блестящемъ экипажѣ или въѣзжаетъ въ собственный великолѣпный домъ? Этотъ вопросъ удивилъ меня; мнѣ никогда прежде въ голову не приходила подобная мысль—Какая же мнѣ надобность, сказалъ я, до экипажа или дома, напримѣръ Демидова, гр. Шереметева, и какое я имѣю право на ихъ богатство?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Воейковъ,—я не таковъ: мнѣ всегда бываетъ досадно, когда я вижу другого богаче меня.

Вслѣдъ за этимъ я разсказалъ ему объ одномъ литературномъ предпріятіи Владиславлева (издать альманахъ въ пользу дѣтской больницы) и что этому взялся помогать гр. Бенкендорфъ. Когда я прибавилъ, что Владиславлевъ этимъ средствомъ можетъ получить отъ своего альманаха, вмѣсто 5, до 20 т. руб., Вовйковъ, не сказавъ ни слова, схватилъ себя за волосы и заскрежеталъ зубами. Послѣ прежняго разговора съ нимъ мнѣ очень понятна была невысказанная мысль его.

Я слышалъ—боюсь повторить—что еще въ молодости своей Воейковъ сдѣлалъ какой-то проступокъ..... Можетъ быть это сдѣлалось невольно, отъ стеченія случаевъ, въ минуту мгновеннаго разгоряченія... Да и кто столько золъ, чтобы покусился на такое преступленіе съ намѣреніемъ. Вѣрно потому онъ отдалъ бы всю свою жизнь, только бы не было въ ней этой несчастной минуты... Еще больше и отъ всего сердца желаю, чтобы это была неправда. Но страшныя явленія замѣчались за нимъ, особенно во время болѣзней. Въ промежуткахъ разговоровъ онъ часто задумывался, схватывалъ себя за волосы и тяжело стоналъ. Онъ обыкновенно тотчасъ опоминивался и, какъ бы отвлекая отъ себя подозрѣніе, говорилъ, что стонетъ отъ болѣзни. Это рванье волосъ, судороги лица и стонъ больше показывали, что къ нему пристаётъ какое-то воспоминаніе. Однажды онъ самъ говорилъ мнѣ:

— Я знаю, что умру, но еще долго буду страдать, потому что есть за что.

Въ послѣдней тяжкой болѣзни его, я нерѣдко сидѣлъ у его постели, и онъ, съ своими большими включенными волосами, съ су-

¹⁾ Остроумный Н. И. Гречъ съ своей стороны не щадилъ Воейкова, см. статью Греча объ авторѣ «Дома сумасшедшихъ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г. т. IX, стр. 621—643.

дорожными выраженіями страданія, съ своими стопами, очень походилъ на Громобоя.

Другой смертный грѣхъ (а ихъ было на душѣ Воейкова по крайней мѣрѣ семь) была въ молодости какая-то интимная связь. Въ походѣ 1812 г., его страсть вездѣ ѣздила съ нимъ и въ тотъ же годъ, во время переправы черезъ Березину, у нихъ родился сынъ, Доброславскій. Послѣ этого сынъ воспитывался въ Москвѣ, у матери, учился въ медико-хирургической академіи и былъ выпущенъ лекаремъ. Въ концѣ 1837 года Воейковъ выписалъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ ординаторомъ въ военно-сухопутный госпиталь. Божескій гнѣвъ лежалъ на этомъ сынѣ преступной любви. Избалованный у матери, онъ ни отъ кого не получилъ правилъ вѣры и нравственности, былъ наглъ и дерзокъ противъ всего....

Въ Петербургѣ, первые мѣсяца два, онъ жилъ у отца и въ это время успѣлъ завести какую-то незаконную связь, такъ что отецъ принужденъ былъ выгнать его изъ дома и нанять ему отдѣльную квартиру на Петербургской сторонѣ. Не долго онъ жилъ тамъ. Разъ утромъ (4-го марта 1838 г.), начавъ бриться и выславъ своего человѣка, онъ бритвой перерѣзалъ себѣ горло. Ни тогда, ни послѣ не узнали причины этому. Всего вѣроятно, что буйныя страсти и недостатокъ вѣры довели его до такой смерти. На отца это происшествіе жестоко подѣйствовало. Дрихляющий и расположенный къ болѣзнямъ старикъ, началъ больше и больше хилѣть.

Разсказывалъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. „Даютъ мнѣ знать, что пріятель мой Воейковъ при смерти и что доктора уже объявили ему самому, что болѣе двухъ дней онъ ни за что не проживетъ.

Пріѣзжаю я къ нему. Сажу у его постели. Спрашиваю: ну, что, Александръ Федоровичъ, не имѣешь-ли что поручить мнѣ о своихъ дѣлахъ, доктора вѣдь сказали, что положеніе твое опасно?“

— Эхъ, Иванъ Никитичъ,—заговорилъ приподнимаясь на локоть умирающій: есть, есть у меня къ тебѣ просьба: одолжа дней на десять—тысячь пять рублей.

Просьба меня удивила. Я подумалъ и говорю: а вотъ погоди, я жду съ почты деньги, пришлютъ изъ деревни оброкъ, такъ дней черезъ пять тебѣ и дамъ.

Воейковъ съ злостью сжалъ кулакъ и крикнулъ повертываясь ко мнѣ спиной. Онъ видимо разсердился, что не удалось занять безъ отдачи.“

Воейковъ всегда былъ, до самой смерти своей, поклонникомъ прекрасныхъ женщинъ, и надобно признаться, что имѣлъ изящный вкусъ. Разъ я пріѣхалъ къ нему на дачу, въ Большую Рыбацкую, и какъ-то случилось, что засталъ его въ распλοхъ. Это было въ лѣтній, жаркій день. Подлѣ него сидѣла прелестная дѣвушка, съ расплетенной косою: длинныя волосы ея были раскиданы по плечамъ и старикъ игралъ ими... Это, кажется, былъ конекъ его вкуса.

Всѣ знакомые Воейкова помнятъ портретъ первой жены его. Она представлена бѣгущею въ лѣсу, въ бурю: вѣтеръ несетъ впередъ ея распущенныя волосы и бѣлое платье... Прекрасная женщина и прекрасное изображение. Да, старикъ имѣлъ вкусъ!

Меньше, чѣмъ за годъ до смерти, онъ женился на постоянной сожительницѣ своей, N. N., въ іюлѣ 1888 года. За этотъ не равный бракъ его всѣ осуждали, въ томъ числѣ и я; но проступокъ (?) его былъ слѣдствіемъ размышленій о прежней жизни старика, приближающагося къ смерти. Онъ хотѣлъ сколько возможно поправить прежнее и облегчить себя отъ того, что тяготило его совѣсть. Онъ дѣйствовалъ уже какъ христіанинъ, которому страшны предчувствія будущаго.

Послѣдніе восемь мѣсяцевъ онъ уже никуда не выѣзжалъ, страдая каменной болѣзнію. Въ это время онъ всегда принималъ гостей лежа на постели и, по природѣ хитрый и лукавый, всегда хотѣлъ показываться больнымъ больше, чѣмъ было въ самомъ дѣлѣ. Нерѣдко, прикидываясь хилымъ и изнеможеннымъ, онъ говорилъ, что весь исхудалъ, что грудь у него ослабѣла, тогда какъ былъ полонъ по прежнему, а за минуту кричалъ сильнымъ, здоровымъ голосомъ.

Даже въ бездѣлицахъ, гдѣ не нужно было хитрости, онъ не переставалъ хитрить, какъ будто влекла его къ этому натура. Такъ кошка дѣйствуетъ по своей лукавой манерѣ и тамъ, гдѣ-бы можно было обойтись безъ этой манеры. Однажды крѣпостная дѣвочка его, лѣтъ 13-ти, чѣмъ-то разсердила его. Онъ уже былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ и не могъ встать съ постели. Схвативъ палку, стоящую у постели, онъ приказывалъ дѣвочкѣ подойти къ себѣ. Дѣвочка, пользуясь болѣзнію его, не слушалась и еще что-то сгубила. Вдругъ застоналъ онъ, и упавъ головой на подушки, началъ кричать, что ему дурно, что онъ умираетъ. „Матушка, Фіона, Фіонушка, говорилъ онъ дѣвчонкѣ, не сердись на меня, прости меня, подойди и поправь постель, мнѣ неловко, что-то колеть...“ Глухая дѣвочка повѣрила и ей стало жаль барина. Она подбѣжала и стала поправлять постель.

Но лишь наклонила она голову, какъ онъ лѣвой рукой цапъ-царапъ се за волосы, а правую жестоко прибилъ ее палкой....¹⁾

Въ послѣдніе дни своей жизни онъ особенно хотѣлъ помириться съ тѣми, съ которыми ссорился, но которыхъ любилъ. Онъ боялся перейти въ ту жизнь, не разставшись съ друзьями по-дружески. Такъ какъ я не былъ у него недѣли три, и когда пришелъ къ нему, онъ беспокоился—не сержусь-ли я на него? Присѣвъ на постели и сложивъ руки на грудь, онъ говорилъ мнѣ своимъ слогомъ: „Пожалуста скажите, не сердиты-ли вы на меня, не сдѣлалъ-ли я противъ васъ какого-нибудь канальства? Я не извиняюсь, а прошу у васъ прощенія“. Давній пріятель его Владиславлевъ не сердился на него, но все-таки не ѣздилъ къ нему. Въ передпослѣдній день и онъ пріѣхалъ къ нему. Старикъ былъ въ восхищеніи.

Мѣсяца за два передъ смертію, въ день кончины П. П. Свинына, Воейковъ, какъ только узналъ объ этомъ, тотчасъ разослалъ записочки ко всѣмъ своимъ знакомымъ. Радостный-ли это случай, чтобы со стороны и съ такой торопливостію извѣщать о немъ! Судьба его поимала на этомъ самомъ грѣхѣ и наказала его тѣмъ же самымъ. Н. Н. получивъ записочку поздно вечеромъ, лежа и дремля въ постели, призвалъ слугу и приказалъ ему, завтра по раньше, сходить въ домъ Свинына и узнать, правду-ли пишетъ Воейковъ? Н. Н. съ просонокъ перемѣшалъ-ли фамилію или человѣкъ заспалъ приказаніе и оно перевернулось у него вверхъ ногами, только слѣдующимъ утромъ онъ прѣблагополучно отправился въ домъ Воейкова и въ прихожей началъ спрашивать у людей, точно-ли и какъ онъ умеръ? Въ передней началось перешептыванье и говоръ, такъ что я услышалъ, и узнавъ, о чемъ идетъ дѣло, призвалъ къ себѣ посланнаго. И старикъ Воейковъ долженъ былъ самъ растолковывать, что не онъ умеръ, а П. П. Свинынъ. Этотъ случай былъ пророчествомъ его собственной смерти!

Онъ умеръ 16-го іюня 1839 г., въ пятницу, въ 5 часовъ утра. Въ послѣдніе дни онъ былъ утомленъ страданіями и желалъ скорѣе умереть. Задумываясь и потомъ приходя въ себя, онъ говаривалъ: „и вотъ, какъ только я забудусь, первая мысль моя, не умру-ли я теперь!“ Но былъ онъ въ памяти до послѣдней минуты. Страданія

¹⁾ Это нѣсколько иначе и невѣрно рассказано И. И. Панаевымъ, въ его «Литературныхъ воспоминаніяхъ.» «Современникъ», 1861 г. № 11, стр. 74 и 75.

его во время болѣзни были такъ велики, что въ сравненіи съ ними смерть его казалась покойною. Мертвый трое сутокъ лежалъ въ домѣ. Лицо его совершенно перемѣнилось. Всегдашнее выраженіе насмѣшки, съ примѣсю лукавства и злобы, исчезло и лицо приняло спокойный, строгій видъ. Знакомые, сначала спрашивавшіе шутками: „не прикидывается-ли онъ“, — смотря на это лицо, уже говорили: „Ну, теперь онъ не обманывается!“ Онъ похороненъ 19-го іюня 1839 г., на кладбищѣ порокового завода.

Лицо А. О. Воейкова было смуглое и калмыковатое, голова большая, съ волнистыми, густыми волосами. Онъ былъ довольно толстъ и неуклюжъ. Еще болѣе онъ неловокъ сталъ отъ хромоты, сломавъ себѣ ногу 15-го октября 1823 г. „Я ѣхалъ, — рассказывалъ онъ, — изъ Петербурга въ Царское, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать зло одному человѣку — и Богъ наказалъ меня; лошади понесли, сломали мнѣ ногу и я не сдѣлалъ того, что хотѣлъ сдѣлать“. Голосъ имѣлъ онъ громкій и какой-то воющий. Любилъ говорить, а еще больше острить. Греча, Свинына, Полевого, а чаще всего Булгарина не спускалъ съ языка и отъ этого даже терпѣлъ нѣсколько интересъ разговора его, сбивавшагося на однообразіе.

Въ бумагахъ Воейкова остался дневникъ и счеты. Изъ нихъ видны многія добрыя свойства его. У него были на постоянномъ жалованьи нѣсколько вдовъ и сиротъ, и кромѣ того, онъ часто помогалъ бѣднымъ. Каждый мѣсяцъ выходило у него до 100 и болѣе руб. на бѣдныхъ: а эта большая сумма по его достатку. Прибавьте къ этому безпрестанные подарки, которые онъ посылалъ дѣтямъ, знакомымъ, литераторамъ и другимъ, и всякій повѣритъ рассказамъ его домашнихъ, что онъ всегда нуждался, такъ что иногда по году не могъ сдѣлать себѣ новаго платья. Изъ журнала его видно, что онъ любилъ пламенно первую жену свою. Тамъ встрѣчаются отмѣтки: „О радость, о восторгъ, сегодня я получилъ письмо отъ Сашеньки, и самое милое!“ На разныхъ книгахъ остались отмѣтки, въ которыхъ онъ не щадилъ и самого себя. Напримѣръ: „Вотъ ужъ начался и 1836 годъ, а хромоногий В. все еще живетъ!“ Вторая жена его, скромная женщина, любила уединеніе, и почти ни съ кѣмъ не была знакома, несмотря на то, что онъ часто старался познакомить ее съ другими и бранилъ за одиночество. А иногда шутя говорилъ ей: „Ну, скажи, что ты за человѣкъ, кто тебя любитъ? Вотъ меня любятъ и Жуковский, и Дубельтъ, и Руссовъ, и тебѣ съ сотню считаю друзей моихъ. А тебя кто любитъ? Только и любитъ тебя одинъ, да и тотъ хромой, черный, рябой, старый, мерзкій!“

Первая жена Воейкова уѣхала за границу 21-го августа 1827 г., умерла въ Пизѣ 1828 г.

Въ запискахъ Воейкова нигдѣ не нашелъ я о времени его рожденія. Старикъ и тутъ лукавилъ. Однажды онъ говорилъ: „Скажите, какъ я-было обчелся; я все считалъ себѣ за 60 лѣтъ, а недавно, справившись хорошенько, увѣрился, что мнѣ еще только 57 лѣтъ“. Надобно прибавить, что ему тогда было уже 65 лѣтъ (?), самыхъ вѣрныхъ.

Однажды былъ онъ у Греча. Этотъ журналистъ представляетъ ему сотрудника своего, Владимира Строева. Воейковъ уже былъ предубѣжденъ противъ Строева, какъ члена Гречевой партіи и какъ челоуѣка, котораго онъ считалъ такимъ же барышникомъ какъ его главный недругъ (?). Къ этому присоединилась низенькая, худо сформированная природой фигура Строева и его бѣдный, оборванный костюмъ. Воейковъ былъ пораженъ этой фигуркой. Какъ бы остолбенѣвъ, отъ нечаянности, сложивъ руки и окидывая его насмѣшливыми глазами, онъ говорилъ про себя, но такъ что всѣмъ слышно было: „Господи, Боже мой, что это такое!“ потомъ отошелъ прочь и захохоталъ во все горло.

Между другими, въ жену Воейкова былъ влюбленъ А. И. Тургеневъ, котораго она, впрочемъ, не очень жаловала. Разъ онъ такъ увлекся, что при мужѣ, сверхъ комплиментовъ, которые сыпалъ Александръ, поправилъ ей своею рукою локонъ. Это до того взбѣсило Воейкова, что между нимъ и Тургеневымъ уже назначена была дуэль. Только посредничество Жуковскаго могло успокоить неосторожнаго влюбленнаго и самолюбиваго мужа.

Однажды при мнѣ доложили Воейкову, что слуга отъ кого-то изъ генераловъ принесъ ему письмо. Воейковъ приказалъ позвать слугу въ комнату. Принявъ и прочитавъ письмо, онъ вынулъ изъ столика кошелекъ, высыпалъ серебро и началъ перебирать деньги. Беря то одну, то другую монету и останавливаясь больше на цѣлковыхъ, онъ разстановочно спрашивалъ челоуѣка: „А что, баринъ твой нанялъ дачу?... Пишетъ-ли къ нему сестрица его, Анна Сергѣевна?... Сколько заплачено за тотъ прекрасный кабриолетъ, въ которомъ ѣздитъ твой баринъ?..“ Я думалъ, что Воейковъ не можетъ рѣшиться, что дать челоуѣку, цѣлковый, полтинникъ, восьмигривенникъ или гривенникъ; что ему мелкую монету дать стыдно, а большую жалео. Но Воейковъ, кончивъ свои вопросы и еще помолчавъ немного, сказалъ: „Прощай, братецъ.

кланяйся своему барину". Когда слуга ушелъ, Воейковъ собралъ деньги въ кошелекъ, захохоталъ и сказалъ: „Замѣтили-ли вы, какъ у него глаза разгорѣлись? онъ такъ и думалъ, что я дамъ ему цѣлковый!“

Въ этомъ человѣкѣ, кажется, была страсть мучить другихъ.

Книгопродавецъ N. N. изъ прикащиковъ, завелъ свою лавку и быстро началъ распространять дѣла свои. Да,—сказалъ Воейковъ,—этотъ молодой человѣкъ далеко пойдетъ, если его не скоро повѣсятъ!

Н. В. Кукольникъ, у себя на вечерѣ, читалъ новую драму свою Джакомо Санназаръ. Кончивъ чтеніе, онъ самъ просилъ гостей своихъ сказать свое мнѣніе. Всѣ, разумѣется, какъ гости, хвалили. Одинъ Воейковъ молчалъ.

— Что-жъ вы, Александръ Федоровичъ?—спросилъ его хозяинъ,—не скажете своего мнѣнія?

— Да, еслибы, отвѣчалъ Воейковъ—государь поставилъ здѣсь висѣлицу и сказалъ: вотъ Воейковъ выбирай, или сейчасъ тебя повѣсятъ, или говори свое мнѣніе о драмѣ Кукольника, такъ я бы ничего не сказалъ.

Въ 1837 году В. А. Владиславлевъ, уѣзжая на нѣсколько мѣсяцевъ въ южныя губерніи, отдалъ на это время лошадей своихъ поручику гвардіи Беваду. Надобно замѣтить, что прежде Бевадъ былъ армейскимъ прапорщикомъ, когда Владиславлевъ былъ уже ротмистромъ. Если-бъ Владиславлевъ не уѣхалъ и похлопоталъ, то онъ очень могъ бы быть штабс-капитаномъ гвардіи (майоромъ); но онъ уѣхалъ и этотъ чинъ выхлопоталъ себѣ Бевадъ, и стало-быть обогналъ его чиномъ. Воейковъ, услышавъ объ этомъ, съ хохотомъ говорилъ:

— Вотъ В. А. оставилъ лошадей своихъ Беваду, а тотъ на его же лошадяхъ, да обогналъ его!

На А. А. Протасовой женился Воейковъ въ 1815 г., въ Москвѣ, когда былъ профессоромъ дерптскаго университета, и по этому случаю все семейство Протасовыхъ тогда же переехало въ Дерптъ. Объ этомъ семействѣ см., между прочимъ, „Москвитанинъ“ 1852 г., № 18, Русская словесность, стр. 113—126.

Въ 1811 году въ Москвѣ литераторы часто собирались и читали другъ другу свои произведенія. Эти вечера бывали по большей части у Фед. Фед. Иванова, сочинителя драмы: „Семейство Старичковыхъ.“ На этихъ вечерахъ играли иногда въ коммерческія игры. Воейковъ,

изстари острякъ и весельчакъ, игралъ иногда съ Мерзляковымъ, не въ деньги, а на столько-то стиховъ; Мерзляковъ по большей части проигрывалъ, и за это повиненъ былъ проигранное число стиховъ перевести изъ Садовъ Делиля, которые онъ, добродушный, и дѣйствительно переводилъ, а Воейковъ бралъ ихъ, какъ свою собственность, и вставлялъ въ свой переводъ Делилевой поэмы. Можетъ быть онъ нѣсколько и передѣлывалъ ихъ, чтобы они приходились къ тону его собственнаго перевода; но дѣло въ томъ, что это дѣйствительно было. См. „Мелочи изъ запаса моей памяти“, Мих. Дмитриева („Москвитянинъ“ 1854 г., № 12, Русская словесность, стр. 156).

Еще о Воейковѣ и его сочиненіяхъ, см. тѣже Мелочи М. Дмитриева, „Москвитянинъ“ 1854 г., № 16, Русская словесность, стр. 174—178, 189 и 193.

О немъ же, см. Дневникъ Жихарева въ „Отеч. Зап.“ 1856, № 4, словесность, стр. 412.

Въ Москвѣ, въ 1806 г., Воейковъ жилъ въ своемъ домѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, и задавалъ славные литературные вечера и попойки Мерзлякову, Жуковскому, Измайлону, Мартынову, Сумарокову, Каченовскому и многимъ другимъ (Записки современника, Жихарева, ч. 1, стр. 321).

О Воейковѣ и первой женѣ его (любопытно) см. „Москвитянинъ“ 1853 г., № 12, историч. матеріалы, стр. 13—15.

II.

Домъ сумасшедшихъ.

(Напечатано съ подлинника, рукою автора писаннаго).

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г. (т. IX, стр. 586—603) напечатана шутка-сатира А. Θ. Воейкова и напечатана по нѣсколькимъ спискамъ, со множествомъ варьянтовъ, сообщенныхъ П. А. Ефремовымъ. Необходимо однако сказать, что печатая въ 1874 г. это весьма характерное, по отношенію къ литературѣ 1820—1830-хъ гг. произведеніе, мы не имѣли подлинной рукописи автора и не нашли ее даже въ большомъ собраніи бумагъ Воейкова, въ намъ поступившихъ. Нынѣ въ архивѣ покойнаго Θ. В. Булгарина Т. А. Сосновскій нашелъ подлинникъ сатиры: „Домъ сумасшедшихъ“, писанный рукою Воейкова, и, съ согласія Б. Θ. и В. Θ. Булгаринныхъ, весьма обязательно представляетъ этотъ автографъ на страницахъ „Русской Старины“. Печатавъ его, необходимо указать на особенность подлинника: такъ какъ это подарокъ Воейкова Булгарину, потому все, что въ сатиры гово-

рится о Оадеѣ Венедиктовичѣ, то авторомъ не внесено въ поднос-
ный экземпляръ, а о Гречѣ значительно смягчено. Ред.

Други милые, терпѣнья!
Разскажу вамъ чудный сонъ;
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ.
Нѣтъ, но мнѣню предъидущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

* * *

Ввечеру, простившись съ вами,
Я въ углу сидѣлъ одинъ
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ,
Подбавлялъ изъ Глиняки сору,
И твоихъ, о Мерзляковъ,
Изъ Амура, по сю пору
Недочитанныхъ стиховъ.

* * *

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажой законтилъ,
И въ награду, крѣпко, крѣпко
И приятно усыпилъ.
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Черезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ —
И вступаю въ желтый домъ.

* * *

Отъ любви сумасшедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ вспомянулъ,
О, Кавелинъ, долгъ романамъ
И тобою заплаченъ,
Но сказавъ: «прости!» обманамъ,
Ты давно ужъ не влюбленъ.

* * *

Ахъ! и я но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу:
Во второе отдѣленье
Бѣшеныхъ глупцовъ вхожу.
«Берегитесь, здѣсь Наглицкой!» —
Насъ вожатый упредилъ —
«Онъ укуситъ васъ, не близко!» ..
Но Наглицкой завопилъ:

* * *

«Горе! добрый царь на тронѣ,
Вѣрь терпимости, пытки нѣтъ!»

Ахъ, заяѣмъ не при Неронѣ
 Я рожденъ на бѣлый свѣтъ?
 Благотворный бы представилъ
 Инквизиціи проектъ
 И плетъми бы съчъ заставилъ
 Философовъ разныхъ сектъ.

* * *

«Я, какъ дьяволъ, ненавижу
 Бога, ближнихъ и царя,
 Зло имъ сдѣлать.»¹⁾ сплю и вижу
 Въ честь Христова алтаря».
 Други! признаюсь, изъ кельи,
 Уши я зажавъ, бѣжалъ;
 Рядомъ съ ней на новосельи
 Злуничъ бѣгло бормоталъ:

* * *

«Вижу бѣсовъ предо мною,
 Какъ Содомъ въ грѣхахъ весь свѣтъ,
 А всему Невтонъ виною
 И проклятый Архимедъ;
 Локкѣ—коварный развратитель
 Столькихъ женщинъ и дѣвицъ,
 Кантъ—безбожія учитель
 И Гутонъ²⁾—гроза больницъ!»

* * *

Слыша рѣчь сію невѣжды,
 Сумазброта и жагѣлъ,
 И малѣйшія надежды
 Къ излеченью не имѣлъ.
 Нашъ Пустелинъ недалеко
 Тамъ въ чуланѣ засѣдалъ,
 И горѣ возведши око
 Исповѣдь свою читалъ.

* * *

«Ахъ, за что лишать свободы
 И сажать въ безумный домъ;
 Я—подлецъ уже съ природы,
 Сорокъ лѣтъ кожу глупцомъ
 И Наглицкой вѣчно мною
 Какъ тряпичей черной трѣтъ,
 Какъ кривою кочергою
 Загрѣбаешь или бьешь»...³⁾

* * *

Я послѣшными шагами
 Черезъ залу перешелъ

¹⁾ Прежде было написано: «Погубить ихъ—сплю и вижу».

Ред.

²⁾ Прежде написано: Морво, но зачеркнуто. Guyton-Morveau—франц. ученый, извѣстный (1737 † 1816 г.) сочиненіемъ объ очищеніи воздуха въ больницахъ.

³⁾ Наглицкой—Магницкій; Злуничъ—Руничъ.

Ред.

И увидѣлъ надъ дверями
Очень чётко: сей отдѣлъ
Прозанстамъ и поэтамъ,
Журналистамъ, авторамъ.
Не по чину, не по лѣтамъ,
Здѣсь мѣста по номерамъ.

* * *

Двери настѣжъ, надзиратель
Отворя, мнѣ говоритъ:
«Номеръ первый—вашъ пріятель
Каченовскій здѣсь сидитъ.
Букву Э на эшафотѣ
Съ торжествомъ и лики жжётъ;
Умъ его всегда въ работѣ
По крякамъ стихи поётъ;

* * *

То ковычки созерцаетъ,
То обнюхивая гниль
Духу розъ предпочитаетъ.
То, сметая съ книжекъ пыль,
И въ восторгъ восклицая
Набиваетъ ею ротъ:
«Соръ Славянскій! пыль святая!
Слаще ты чѣмъ медъ и сотъ!»

* * *

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка-Шаликовъ въ слезахъ,
Разруманенный, въ вѣnochкѣ,
Въ ярко-планшевыхъ чулкахъ,
Прижимаетъ вѣнчикъ страстно,
Кличетъ Граціи здѣшнихъ мѣсть
И мауча сладострастно
Размазну безъ масла ѣсть.

* * *

Номеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдигъ;
Передъ нимъ духъ Рускій въ стлянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга кормчая отверста,
А уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.

* * *

«О, Расинъ! откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ!
Изъ Россійскаго Стоглава
Ты Гооолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота

Въ Андромахѣ — подражанье
Погребенію ката.

* * *

«Ты-ль Х(востовъ)?» — къ нему вошедши
Вскрикнулъ я: «тебѣ-ль здѣсь быть?»

Ты дуракъ, не сумасшедшій;
Не съ чего тебѣ сходить!» —
«Въ Боало я смыслъ добавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина переправилъ!» —
Быстро онъ проговорилъ.

* * *

И читать мнѣ началъ оду...
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя, но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицомъ печальнымъ
Буквъ славянскихъ красоту
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую Оиту.

* * *

И на мебели повсюду
Корованное Кси,
Старовѣрскихъ книжекъ груду
И въ окладѣ Икѣ и Пси.
Томъ въ сафьянѣ перешитенный
Тредьяковскаго стиховъ,
Я увидѣлъ изумленный —
И узналъ, что тутъ Шишковъ.

* * *

Вотъ Сладковскій восклицаетъ:
«Се, се россы! се самъ Петръ!
Се со всѣхъ сторонъ зияетъ
Молнія изъ тучныхъ нѣдръ!
И чрезъ Ворсклу при преправѣ
Градовъ на сушѣ творецъ,
Съ драгостью пошелъ ко славѣ,
А поэмѣ сей конецъ!»

* * *

Вотъ Жуковский! въ саванъ длинной
Скутанъ, лапочки брестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнить языкомъ.
Вѣдму видѣть воображаетъ
И глазомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ и отпѣваетъ,
И трезвонитъ и реветъ.

* * *

Вотъ Кутузовъ! онъ зубами
Бюсть грызетъ Карамзина,

Пѣна съ усть течеть ручьями,
 Кровью грудь обагрена.
 И напрасно мраморъ гложеть,
 Только время тратитъ въ томъ:
 Онъ вредитъ ему не можетъ
 Ни зубами, ни перомъ.

* * *

Но Станевичъ въ отдѣленѣхъ
 Усмотрѣвъ, что это я,
 Возопилъ въ остервененѣхъ:
 «Миръ! потомство! за меня
 Злому критику отмстите,
 Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
 Монументъ соорудите:
 Я заслугами великъ!»

* * *

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣхъ
 Крошка - Батюшковъ виситъ,
 Въ свѣтлой проволочной кѣткѣхъ;
 Въ баночку съ водой гладитъ
 И поетъ онъ сладкогласно:
 «Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
 Но спустися на дно—ужасной
 Крокодилъ на немъ лежитъ!» —

* * *

Вотъ нашъ Гречъ! — Рукой нескромной
 Цѣлыхъ полгода безъ сна
 Изъ тетрадици огромной
 Моряка Головинна
 Онъ страницы выдираетъ,
 И, во всѣхъ дѣлахъ нахаль,
 Въ уголку иглой вшиваетъ
 Ихъ въ недѣльный свой журналъ.

* * *

Вотъ Измайловъ! Авторъ басенъ,
 Разсужденій, эпиграмъ;
 Онъ пишеть мнѣ: «я согласенъ,
 Я писатель не для дамъ.
 Мой предметъ носы съ прыщами,
 Ходимъ съ Музою въ трактиръ
 Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдами,
 Миръ кварталныхъ есть мой миръ!»

* * *

Вотъ въ передней рабъ-писатель,
 Каразинъ хамелеонъ,
 Земледѣль, законодатель!
 Взглянемъ, что мараетъ онъ?
 Пѣснь свободѣ, деспотизму,
 Возгласъ всѣмъ божкамъ земнымъ,

Гимнъ похвальный атеизму
И акакистѣ всѣмъ святымъ.

* * *

Вотъ Грузинцовъ! онъ въ коронѣ
И въ сандаляхъ какъ царь,
Гордъ, въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ Греческой букварь.
«Вѣрно ваши сочиненья?»
Скромный сдѣлалъ я вопросъ.
«Нѣтъ! Софокловы творенья!» —
Отвѣчалъ онъ вздернувъ носъ.

* * *

Я бѣгомъ безъ дальнихъ зборовъ!
«Вотъ еще!» — сказали мнѣ. —
Я взглянулъ Максимъ Невзоровъ
Углемъ пишетъ на стѣнѣ.
«Еслибъ такъ какъ на Вольтера
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала-бъ горше Вѣра;
Я вреднѣй чѣмъ Дидеротъ!»

* * *

Отъ досады и отъ смѣху
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ
Горькую прервать угѣху,
Но смотритель доложилъ:
«Ради вы или не ради,
Но указъ ужъ полученъ,
Вамъ нельзя отсель ни пяди!»
И указъ тотчасъ прочтенъ.

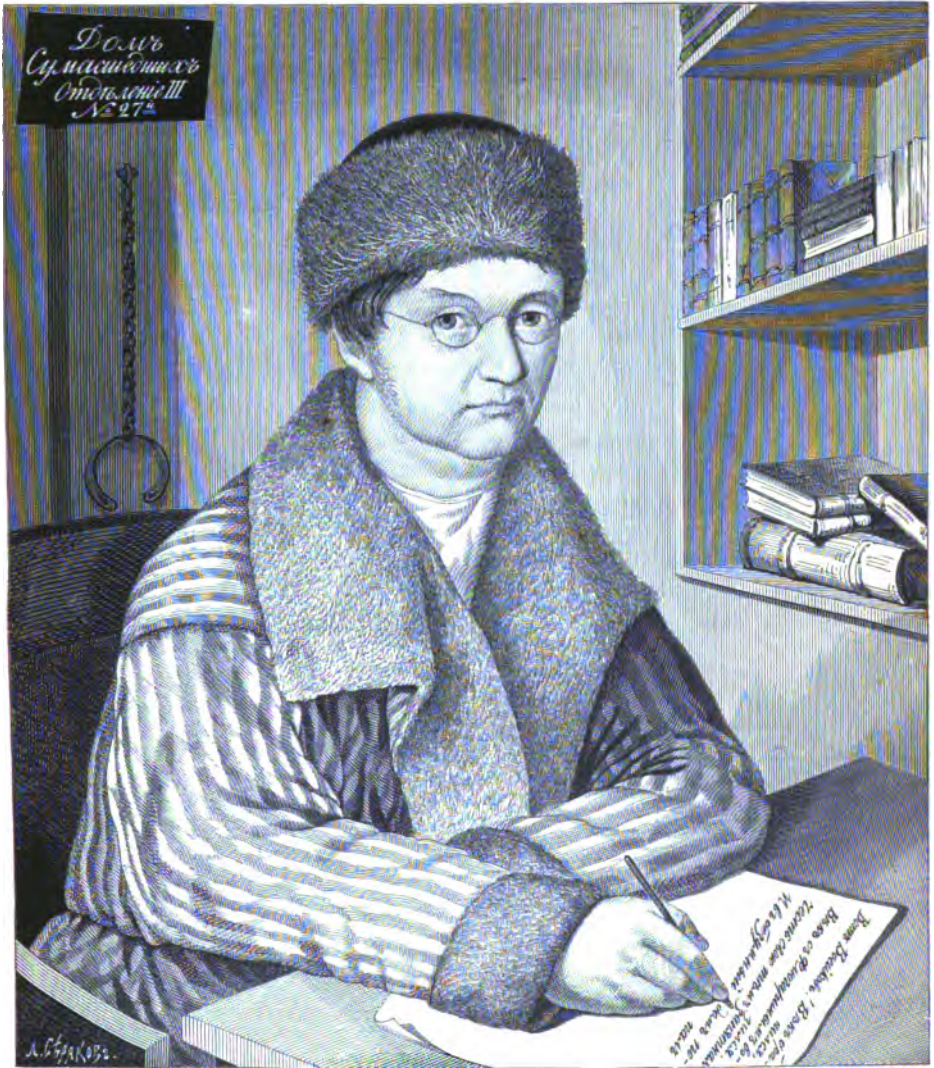
* * *

«Тотъ Воейковъ, что Делалия
Столь безбожно исказилъ,
Истерзать хотѣлъ Эмили
И Виргилю грозилъ,
Долженъ быть какъ сумазбродный
Въ цѣпъ посаженъ въ желтый домъ;
Темя все обречь сегодня
И тереть почаще льдомъ.»

* * *

Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,
И проснувшись не очнулся,
И не вѣрилъ самъ, что спалъ
Други, вашего совѣту!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать — не жить поэту.
А писать начать боюсь.

А. Воейковъ.

А. О. ВОЕЙКОВЪ.

1779 — 1839.

III.

Изображеніе автора сатиры: „Домъ сумасшедшихъ“.

Въ обширномъ собраніи П. А. Ефремова портретовъ русскихъ дѣятелей находится рисунокъ, весьма бойко набросанный на большой четвертѣ листа, итальянскимъ карандашомъ, изображающій автора „Дома сумасшедшихъ“ въ томъ отдѣленіи этого заведенія, куда А. Ѡ. Воейковъ самъ себя посадилъ. Рисунокъ, какъ видно изъ подписи, принадлежитъ какому-то „Е. Ж.“ и сдѣланъ, какъ на немъ-же помѣчено, въ 1831 году.

Портретъ, по отзывамъ лицъ, знавшихъ А. Ѡ. Воейкова, очень на него похожъ и, какъ надо полагать, не только сдѣланъ съ натуры, но по собственному желанію и даже для самого автора „Дома сумасшедшихъ“. Известно, что не щадя въ своихъ крайне злыхъ шуткахъ и острогахъ многихъ общественныхъ дѣятелей и своихъ собратьевъ по литературѣ, А. Воейковъ не щадилъ и себя.

Характерный рисунокъ Е. Ж., сообщенный намъ П. А. Ефремовымъ, воспроизведенъ въ прилагаемой гравюрѣ академикомъ Л. А. Сѣряковичемъ; рисунокъ на деревѣ исполнилъ художникъ К. О. Брозъ.

Ред.